

Грезы. Ги де Мопассан

Происходило это после дружеского обеда, обеда старых друзей. Их было пятеро: писатель, врач и трое богатых холостяков, ничем не занятых.

Переговорили уже обо всем, и наступила усталость, обычная после пиршества и побуждающая к разъезду. Один из собеседников, молча смотревший на волнующийся, шумный бульвар, освещенный газовыми рожками, вдруг сказал:

– Когда ничего не делаешь с утра до вечера, дни тянутся без конца.

– И ночи также, – добавил его сосед. – Я совсем не сплю, развлечения меня утомляют, а разговоры все об одном и том же надоедают. Никогда не встречаю я новых мыслей и, прежде чем завязать беседу с кем бы то ни было, испытываю страстное желание совсем не говорить и ничего не слышать. Просто не знаю, куда мне девать вечера.

Третий бездельник провозгласил:

– Дорого дал бы я за средство приятно проводить хотя бы часа два в день.

К ним подошел писатель, уже перекинувший через руку пальто.

– Человек, – сказал он, – который изобрел бы новый порок и преподнес его своим ближним, пусть даже это сократило бы их жизнь наполовину, оказал бы большую услугу человечеству, нежели тот, кто нашел бы средство обеспечить вечное здоровье и вечную юность.

Доктор рассмеялся и произнес, пожевывая сигару:

– Да, но не так-то просто это изобрести. Тем не менее, с тех пор как создан мир, человечество неутомимо ищет. Первые же люди сразу достигли в этом отношении больших успехов. Но нам не сравниться с ними.

Один из трех бездельников пробормотал:

– Жаль.

И тут же добавил:

– Получить бы только возможность спать, крепко спать, не ощущая ни жары, ни холода, спать с чувством того изнеможения, какое бывает после утомительных вечеров, спать без сновидений!

– Почему без сновидений? – спросил сосед.

Тот отвечал:

– Потому что сны не всегда приятны: они причудливы, неправдоподобны, бессвязны, и когда спишь, нет даже возможности по своему вкусу насладиться лучшим из них. Стало быть, надо грезить наяву.

– Кто же вам мешает? – спросил писатель.

Доктор бросил свою сигару.

– Мой милый, для того чтобы грезить наяву, необходимы внутренняя собранность и большая работа воли, а это вызывает сильную усталость. Настоящая греза наша, мысленная прогулка по миру очаровательных видений, несомненно, самое восхитительное, что есть на свете, но она должна возникать естественно, без напряжения; кроме того, она должна сопровождаться чувством физического блаженства. Такую грезу я могу вам предложить, но при условии, что вы дадите обещание не злоупотреблять ею.

Писатель пожал плечами:

– Ну да, знаю, это гашиш, опиум, зеленое варенье, искусственный рай. Бодлера я читал^[2] и даже отведал пресловутого зелья, от которого не на шутку расхворался.

Но доктор прочно расположился в кресле.

– Нет, это эфир, только эфир, и добавлю даже, что вам, писателям, не мешало бы иногда применять это средство.

Трое холостяков подошли ближе.

– Объясните нам его действие, – попросил один из них.

Доктор продолжал:

– Оставим в стороне громкие слова, не так ли? Я не говорю ни о медицине, ни о нравственности: я говорю о наслаждении. Вы ежедневно предаетесь излишествам, сокращающим вашу жизнь. Я же хочу обратить ваше внимание на новое ощущение, доступное лишь людям интеллекта, скажу даже, большого интеллекта; оно вредно, как все, что чрезмерно возбуждает наши органы, но восхитительно. Добавлю, что вам понадобится некоторая подготовка, то есть некоторая привычка, для того чтобы воспринять в полной мере своеобразное действие эфира.

Оно не похоже на действие, производимое гашишем, опиумом или морфием, и сразу же прекращается, как только прервано впитывание лекарства, тогда как другие возбудители грез продолжают действовать в течение многих часов.

Теперь я постараюсь как можно обстоятельнее разобраться в том, что ощущаешь при этом. Но задача эта не из легких, до того тонки, почти неуловимы эти ощущения.

Я применял это средство во время приступов ужаснейшей невралгии и с тех пор, быть может, немного им злоупотреблял.

У меня была страшная головная боль, болела шея, а кроме того, был нестерпимый жар, лихорадочное состояние. Я взял большой пузырек эфира, улегся и начал медленно его вдыхать.

Через несколько минут мне послышался смутный шум, который вскоре перешел в какое-то гудение, и мне показалось, что все тело становится легким, легким, как воздух, и словно растворяется.

Затем наступило нечто вроде душевного оцепенения, приятное состояние дремоты, несмотря на продолжавшиеся боли, которые перестали, однако, быть мучительными. Это были уже такие страдания, с которыми примиряешься, а не та ужасная пытка, против которой восстает все наше измученное тело.

Своеобразное и восхитительное ощущение пустоты в груди вскоре расширилось; оно перешло на конечности, которые, в свою очередь, стали такими легкими, будто тело и кости растаяли и осталась одна кожа, для того чтобы я мог воспринять всю сладость этого дивного состояния. Я заметил, что больше не страдаю. Боль исчезла, как-то растаяла, растворилась. И я услышал голоса, четыре голоса, два диалога, но не мог разобрать слов. То это были неясные звуки, то до меня как будто доходило какое-то слово. Но я понял, что это просто усилившийся шум в ушах. Я не спал, я бодрствовал: я понимал, чувствовал, рассуждал ясно, глубокомысленно, с необычайной силой и легкостью ума, испытывая странное упоение оттого, что мои умственные способности удесятерились.

Это не была греза, как под действием гашиша, это не были болезненные видения, вызываемые опиумом; это было чудесное обострение мышления, новый способ видеть мир, судить о нем, оценивать жизненные явления и при всем этом уверенность, убежденное сознание, что этот способ и есть самый настоящий.

И вдруг в моем уме возник библейский образ. Мне представлялось, что я вкусил от древа познания, что все тайны раскрыты передо мною, настолько я находился во власти новой, своеобразной, непроверяемой логики. И доводы, умозаключения, доказательства так и толпились в моем уме, а на смену им, опровергая их, тотчас же приходили другие доводы, умозаключения, доказательства, еще более сильные. Моя голова стала полем битвы идей. А я становился высшим существом, вооруженным непобедимейшей способностью мышления, и я наслаждался безумной радостью от сознания своего могущества...

Это продолжалось долго-долго. Я все еще вдыхал эфир из горлышка пузырька. Вдруг я заметил, что он пуст. И это ужасно меня огорчило.

Четверо слушателей в один голос запросили:

– Доктор, скорее рецепт на литр эфира!

Но доктор надел шляпу и ответил:

– Ну, нет: пусть вас отравляют другие!

И он ушел.

Милостивые государыни, милостивые государи, неужели вашему сердцу ничего не скажут эти строки?

Примечания

1 Напечатано в «Голуа» 8 июня 1882 года. По теме новелла близка к записи от 10 апреля в «На воде».

2 Бодлера я читал. – Намек на книгу Бодлера «Искусственный рай», где рассказывается об употреблении гашиша и опиума.